

Проф. А. Н. Красновъ въ личной жизни.

(Изъ воспоминаній).

Не стало проф. Андрея Николаевича Краснова! Такъ коротко и просто звучать эти слова для лицъ не знавшихъ покойнаго; и какъ много остраго чувства тяжелой утраты они вызываютъ въ тѣхъ, кто близко зналъ его! Для нихъ это былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова «не отъ міра сего», полный увлекательнаго стремленія къ лучшей, одухотворенной жизни, глубокой идеалистъ, всю жизнь остававшійся имъ. Всю жизнь онъ стремился помогать другимъ подняться надъ уровнемъ темнаго, неосмысленнаго существованія и проводилъ это какъ въ широкой просвѣтительной дѣятельности, такъ и въ частныхъ личныхъ отношеніяхъ. Формальная дѣятельность и стремленіе къ устройству личнаго благополучія его тяготили. Въ силу этого онъ чувствовалъ себя чуждымъ окружающимъ, видѣлъ, что расходится съ ними въ многомъ. Его тяжело удручало исчезновеніе идеализма среди университетской молодежи, передъ которой ему приходилось читать лекціи. А. Н. испытывалъ духовное одиночество и постоянно искалъ выхода изъ него въ кипучей культурно-просвѣтительной работѣ. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ находилъ удовлетвореніе въ своемъ дѣтищѣ—курсахъ для рабочихъ. Ему чувствовалось, что здѣсь его понимаютъ и что здѣсь онъ дѣйствительно полезенъ. Но время шло, мѣнялось настроеніе умовъ, мѣнялись люди. Курсы отошли на задній планъ... А. Н. снова приступилъ къ поискамъ выхода изъ тяготившей его атмосферы и въ результатѣ сдѣлалъ свой послѣдній рѣшительный шагъ: покинулъ университетъ и переселился на Кавказъ, чтобы отдаться здѣсь осуществленію своего грандіознаго, давно выношеннаго проекта — создать садъ, который долженъ былъ преобразить наши черноморскіе субтропики и сдѣлаться ихъ центральнымъ пунктомъ.

Съ этого момента для А. Н. началась новая жизнь. Нужно было видѣть, чтобы оцѣнить то увлеченіе и юношескую энергію, съ какой принялся онъ за дѣло! Онъ работалъ безъ отдыха, словно, куда-то спѣшилъ, торопился. И дѣйствительно, за одинъ

годъ нельзя было узнать еще недавно дикаго мѣста. Тамъ, гдѣ раньше стояли непролазныя заросли папоротника и перепутывались колючія ліаны, теперь всюду были проложены дороги, расчищены поляны, заложены главнѣйшія насажденія.

Еще черезъ годъ, когда я снова посѣтилъ А. Н. въ Батумѣ, садъ въ важнѣйшихъ чертахъ былъ уже готовъ. Но А. Н., несмотря на это, продолжалъ еще больше торопиться, попрежнему живя своимъ созданіемъ. Напряженная работа отражалась на его здоровьѣ, но на замѣчанія окружающихъ по этому поводу онъ, шутя, отвѣчалъ, что ему осталось немного жить и что онъ долженъ закончить всѣ работы, хотя бы вчернѣ, и тогда только сможетъ спокойно умереть. И А. Н. дѣйствительно, какъ-будто предчувствовалъ близость рокового часа...

Было однажды воскресенье... Погода выдалась особенно хорошая, какая не такъ часто бываетъ въ Батумѣ. Солнце щедро посылало свои горячіе лучи на землю. Въ воздухѣ было тихо, жарко, парило... Покойный А. Н., идя со мною, восхищался днемъ, замѣчая неоднократно, что такъ бываетъ только въ субтропическихъ странахъ. Мы обошли съ нимъ почти весь садъ; наконецъ, пошли по Гималайскому отдѣлу, достигли недавно устроенной аллеи изъ пальмъ, въ концѣ которой была устроена куртина изъ кактусовъ, любимаго растенія А. Н. Влѣво отъ аллеи, чуть выше клумбы съ кактусами, на красивомъ холмикѣ была расчищена площадка, пока ничѣмъ не засаженная. Обратившись въ сторону этой площадки, А. Н. сказалъ: «Вотъ мѣсто моей могилы. Когда я умру, здѣсь должны меня похоронить, чтобы отсюда я могъ видѣть садъ и его окрестности».

На мои слова, что нельзя говорить такъ, что онъ долженъ жить и будетъ еще жить, А. Н., шутя, возразилъ: «Нѣтъ, мнѣ предсказано, что я скоро долженъ умереть». При этихъ словахъ мы взошли на названный холмикъ. «Видишь ли — сказалъ онъ мнѣ — какой отсюда открывается чудный видъ?» «Вижу» — сказалъ я. На западъ, прямо у нашихъ ногъ, какъ съ птичьяго полета, виднѣлась часть ботаническаго сада съ его извилистыми дорогами и насажденіями. За садомъ тянулось удѣльное имѣніе Чаква съ рощами бамбука, криптомерій, съ группами высокихъ, темнолистыхъ, вѣчнозеленыхъ эвкалиптовъ, плантаціями цитрусовъ и чая. Еще дальше чуть виднѣлся Цихистъ-дзирскій мысъ, за которымъ только въ ясную погоду можно видѣть весь Кавказскій хребетъ со снѣжными вершинами, спускающійся какъ бы прямо въ море. На востокъ виденъ былъ Зеленый мысъ, Батумъ съ его чудной бухтой, а за Батумомъ Анатолій-

скія горы. На сѣверъ отъ насъ лежали горы Аджаріи, невысокія, покрытыя пышной дѣвственной растительностью. Въ южномъ направленіи простиралось, кажущееся безграничнымъ, тихое, сверкающее подъ лучами солнца, Черное море — древній Понтъ. Казалось, что вокругъ этого мѣста нарочно соединились всѣ красоты природы въ самыхъ богатыхъ, разнообразныхъ и причудливыхъ сочетаніяхъ. Море и горы, холмы, долины и рѣки, Батумъ и Зеленый мысъ. Сюда доносился плескъ морскихъ волнъ, тутъ слышенъ говоръ горныхъ ключей, пѣніе ютящихся въ заросляхъ птицъ. Отсюда видны уходящія и приходящія въ Батумъ пароходы и поѣзда, слышны гудки пароходовъ, свистки проходящихъ поѣздовъ...

И долго мы стояли вмѣстѣ и смотрѣли вдаль, подавленные сказочными видами, открывавшимися съ холмика. Предчувствіе А. Н., къ сожалѣнію, сбылось даже неожиданно скоро... И сейчасъ не хочется вѣрить, что на томъ холмѣ онъ не живой стоитъ, а лишь прахъ его покоится среди ласковой природы «русскихъ субтропиковъ», на лонѣ которой вѣчно мятущійся высокій духъ его нашелъ себѣ послѣднее удовлетвореніе!

И. Чепурный.